

Томас Нокс

**СИБИРЬ 19 ВЕКА
ГЛАЗАМИ
АМЕРИКАНЦА**

Часть третья

Томас Нокс

**Сибирь 19 века глазами
американца. Часть третья**

Нокс Т.

Сибирь 19 века глазами американца. Часть третья / Т. Нокс —

Третья часть книги повествует о путешествии американского журналиста от Красноярска до Санкт-Петербурга с посещением Томска, Тюмени, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода и Москвы

Содержание

Глава XXXVI. Ссылные и каторжане	6
Глава XXXVII. Ссылные поляки	13
Глава XXXVIII. Русские сани и русские ямщики	19
Глава XXXIX. Через Канск в Красноярск	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сибирь 19 века глазами американца

Часть третья

Томас Нокс

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Томас Нокс, 2026

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-7588-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0069-4406-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава XXXVI. Ссылные и каторжане

Я уже несколько раз упоминал о ссылных 1825 года, и, пожалуй, стоит объяснить, как они попали в Сибирь. В начале нынешнего столетия Россия была не совсем счастлива. Император Павел, взошедший на престол после смерти Екатерины II, не проявил особых способностей, а, «напротив, был полной противоположностью матери». То, что его мать сделала для улучшения страны, он был склонен свести на нет. При его правлении большое количество людей было сослано в Сибирь по абсурдным обвинениям или просто из-за прихоти. Император издавал манифесты причудливого характера, один из которых был направлен против круглых шляп, а другой – против шнурков. Яркие полосы, используемые теперь на мостах, верстовых столбах, ящиках для часов и другом императорском имуществе, были его выбором, и его эксцентричность была настолько многочисленна, что его объявили психически нездоровым. В марте 1801 года он был задушен в своем дворце, который только что закончил строить. Говорят, что в течение часа после того, как стало известно о его смерти, на улицах появилось огромное количество круглых шляп. Александр I стремился исправить некоторые из пороков правления своего отца. Он вернул многих ссылных из Сибири, подавил тайную инквизицию и восстановил многие права, которых народ был лишен. Его лучшие способности проявились во время войн с Францией. После всеобщего мира он посвятил себя изучению и освоению ресурсов страны и был первым и пока единственным императором России, который пересёк Уральские горы и посетил рудники этого региона. Он умер во время поездки по южным провинциям империи. Некоторые из его реформ основывались на принципах других европейских правительств, которые он стремился изучить. По возвращении из Англии он сказал своему совету, что лучшим, что он там увидел, была оппозиция в парламенте. Он считал её частью государственного аппарата и сожалел, что её нельзя было внедрить в России.

Со времен Павла существовала революционная партия, и по крайней мере однажды она замышляла убийство Александра I. Между смертью Александра и приходом к власти его второго брата Николая был трехнедельный период междуцарствия. Процесс престолонаследия был использован революционерами для организации заговора с целью захвата власти.

Заговор был широко распространен и включал в себя многих самых способных людей того времени. Революционеры желали конституционного правительства, и их лозунг «КОНСТИТУЦИЯ!» был объяснен солдатам как имя жены Константина, брата умершего императора Александра. Истинные намерения движения не были доведены до сведения рядовых солдат, которые полагали, что борются за Константина, как законного наследника престола.

Николай (младший брат Константина) узнал о заговоре за день до своего восшествия на престол; императорская гвардия дворца была в заговоре и рассчитывала захватить императора. Ночью гвардию отозвали, и её заменил батальон из Финляндии. Говорят, что, получив известие о сборе повстанцев, император позвал свою жену в часовню дворца, где несколько минут молился. Затем, взяв своего сына, нынешнего императора, он отвёл его к солдатам новой гвардии, доверил его под их защиту, а сам отправился на Исаакиевскую площадь, чтобы подавить восстание. Солдаты держали мальчика до возвращения императора и даже не хотели отдавать его учителю.

Заговор был настолько масштабным, что у заговорщиков были хорошие шансы на успех, но целые полки в последний момент отказались от участия, оставив лишь тщетную надежду на удачный исход борьбы. Николай вместе со своими офицерами отправился на Исаакиевскую площадь и дважды приказал собравшимся повстанцам сдаться. Они отказались, и тогда их приветствовали «последним аргументом королей». Шквал картечи, за которым последовала атака кавалерии, обратил в бегство всех, кто не был убит, и положил конец восстанию.

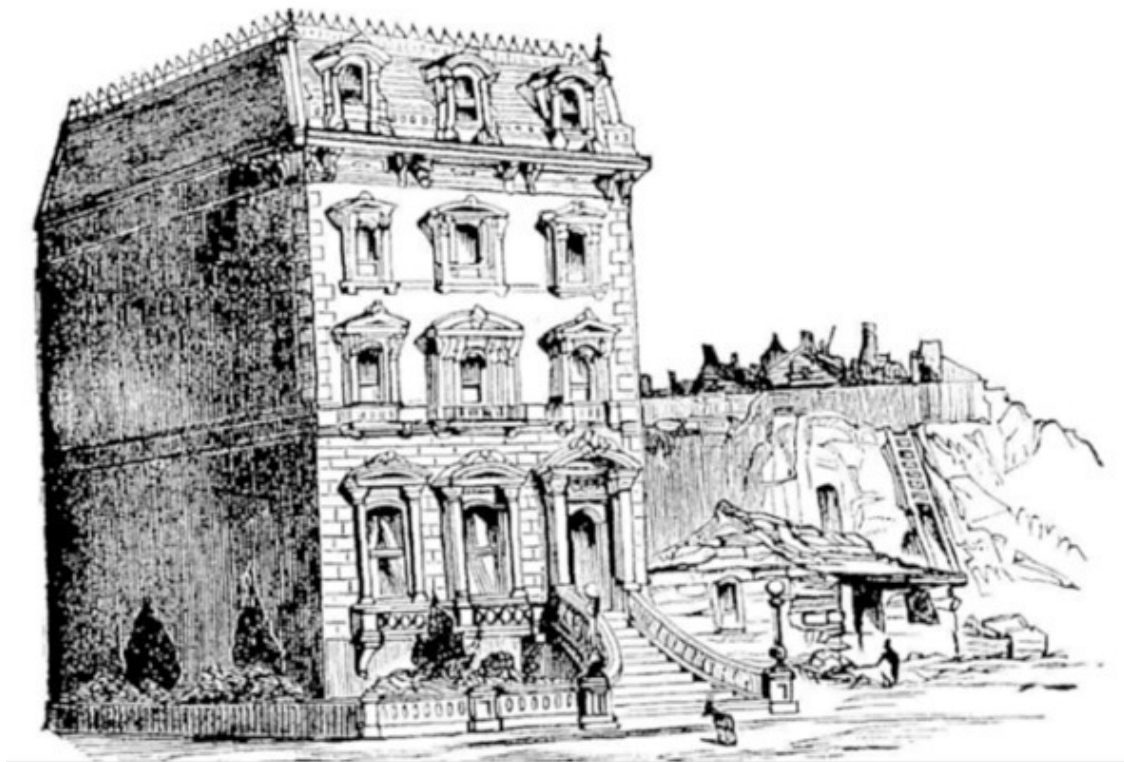
За этим последовало долгое и тщательное расследование, выявившее все последствия заговора. Заговорщики заявили, что к этому их подтолкнуло бедственное положение страны и надежда на улучшение. Николай, скрываясь за ширмой, выслушал большую часть показаний и признаний и извлек из этого полезный урок. Завершением дела стала казнь пяти главных заговорщиков и ссылка многих других в Сибирь. Пятеро, приговоренные к смертной казни, были повешены перед зданием Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Одна веревка порвалась, и жертва, упав на землю, испытывала такие муки, что офицер, ответственный за казнь, послал к императору с вопросом, что делать. «Возьми новую веревку и выполни свой долг», – был безжалостный ответ Николая.

Вступление Николая на престол и попытка восстания произошли 14 декабря (по старому стилю) 1825 года. В течение шести месяцев с этой даты большинство заговорщиков достигли Сибири. Их отправили в разные районы: одни работали в шахтах в течение определённого периода, другие стали колонистами. Среди них были одни из самых способных мужчин России, почти все молодые и предприимчивые. Многие из них были женаты, и их жёны последовали за ними в ссылку, хотя последним разрешили отправиться в Сибирь только при условии, что они никогда не вернуться. Каждый из ссыльных был лишён всех гражданских и политических прав и объявлен юридически мёртвым. Его имущество было конфисковано в пользу короны, а его жена считалась вдовой и могла выйти замуж снова, если пожелает. К чести русских женщин, ни одна из них не воспользовалась этой привилегией. Мне рассказывали, что почти за каждым женатым ссыльным последовала его семья, а за некоторыми незамужними – их сёстры и матери.

Ранее я уже говорил о влиянии несчастных «декабристов» на общество и нравы Сибири. Эти люди занимали высокое социальное положение, и их политические воззрения не мешали им заслужить уважение. Их приговор к работе в шахтах не был строго исполнен и длился максимум два-три года. Впоследствии их использовали для работы в помещениях, а со временем, когда страсти утихли, им разрешили выбирать себе жильё в деревнях. Вскоре им разрешили переехать в более крупные города, и там те, чьи жены владели собственностью, построили себе элегантные дома и заняли положение, на которое имели право благодаря своим способностям.

Генерал Корсаков рассказывал мне, что когда он впервые отправился служить в Сибирь, однажды вечером у генерал-губернатора был бал. Заметив одного человека, который великолепно танцевал мазурку, он шепнул генералу Муравьеву и спросил его имя. «Это, – сказал Муравьев, – революционер 1825 года. Он один из лучших людей в обществе Иркутска».

После первых нескольких лет ссылки декабристы почти ни на что не жаловались, кроме запрета на возвращение в Европу. Для людей, чья молодость прошла в блестящем обществе и среди веселья столицы, эта жизнь в Сибири, несомненно, была утомительной. Год за годом шел, и в двадцать пятую годовщину своего изгнания они искали помилования. Несколько недель между ними почти ни о чем другом не говорили, но их ждало разочарование. Николай не был склонен к прощению, и те, кто замыслил его свержение, вряд ли могли получить благосклонность, даже несмотря на то, что с момента их преступления прошло четверть века. Однако смерть Николая и коронация Александра II принесли перемены в жизнь ссыльных. Николай начал свое правление с акта суровости; Александр же после своего восшествия на престол проявил милосердие. Императорским указом он помиловал ссыльных 1825 года, восстановил их гражданские и политические права и разрешил им вернуться в Европу. Поскольку отцы юридически считались умершими на момент ссылки, дети, рожденные ими в Сибири, были незаконнорожденными в глазах закона и не могли даже носить свою фамилию. По праву они принадлежали к государству и наследовали отцовскую ссылку, поскольку им не разрешалось ехать в Европу. Указ снял все эти ограничения и дал детям полные права на наследование отцовских титулов, а также социальных и политических прав.

Дом одного из бывших ссыльных

Эти ссыльные жили в разных частях Сибири, но главным образом в Иркутске и Енисейске. Но тридцать лет правления Николая не были безоблачными. Смерть забрала часть несчастных. Другие так долго жили в Сибири, что не желали возвращаться в общество, где они были бы чужаками. Некоторые, неженатые на момент ссылки, обзавелись семьями в Сибири и таким образом привязались к стране. Не более половины тех, кто жил во время коронации Александра, воспользовались его разрешением вернуться в Россию. Князья Трубецкой и Волконский некоторое время колебались, но в конце концов решили вернуться. Оба умерли в Европе совсем недавно. Их отъезд оплакивали многие в Иркутске, поскольку их отсутствие было большой потерей для общества. Я слышал несколько любопытных воспоминаний о князе Волконском. Говорили, что его жена и дети, вместе со слугами, жили в большом и элегантном доме, а сам князь жил в небольшом здании во дворе. У него было хозяйство недалеко от города, и он продавал урожай со своих полей своей жене.

Оба князя уделяли большое внимание образованию своих детей и подготовке их к высшему социальному положению в Европе.

Находясь в Иркутске, я видел одного из декабристов, который разбогател, занимаясь торговлей вином. Упомянул ещё один из этих ссыльных, но я с ним не встречался. Ещё один жил в Селенгинске, третий – недалеко от Верхне-Удинска, а четвёртый – у озера Байкал. Есть несколько и в других местах, но я полагаю, что общее число декабристов в Сибири сейчас составляет менее десятка. Сорок два года ссылки привели их на грань смерти, и очень скоро активный дух этого несчастного восстания угаснет.

Другие политические ссыльные в Сибири – почти исключительно поляки. Каждое восстание в Польше увеличивает население азиатской России. Восстание 1831 года было особенно масштабным в этом отношении, как и восстание 1863 года. Революции в Польше после падения и раздела королевства были совершенно безнадежны, но поляки остаются непоколебимыми.

Я не собираюсь вдаваться в обсуждение польского вопроса, поскольку это заняло бы слишком много места и было бы чуждо цели моей книги; но я кратко затрону несколько момен-

тов. Русские и поляки не были склонны к дружелюбию, когда у обеих стран были отдельные правительства. Европа никогда не была благосклонна к республиканским принципам, и как бы западные державы ни сочувствовали Польше, они не захотели бы проводить ту политику, которую они желают для России. Англия владеет Индией и Ирландией, независимо от воли индийцев и ирландцев. Франция владеет своей африканской территорией, которая не просила быть захваченной, и мы все знаем об отношениях, которые когда-то поддерживал ее император с Мексикой. Гораздо легче искать великодушия и снисхождения в других, чем в себе.

Когда Россия и Польша начали воевать, последняя была сильнее и на некоторое время захватила значительную часть московской земли. Всем известно, что Польша была разделена, но знаем ли мы также, что часть России времен Ивана IV была оккупирована шведами (в Новгороде). В 1612 году поляки контролировали Москву. В том же году русские восстали против них, как и поляки с тех пор восставали против русских, но с другим результатом.

Польские ссыльные 1861 года и предыдущих лет были помилованы тем же указом, который освободил русских ссыльных 1825 года. Незадолго до восстания 1863 года в Сибири было немного поляков, за исключением тех, кто остался по собственной воле. Последнее восстание вызвало новую депортацию: двадцать четыре тысячи человек были сосланы за Уральские горы. Десять тысяч из них были отправлены в Восточную Сибирь, а остальные распределены к западу от Енисея. Указ от июня 1867 года позволил многим из этих заключенных вернуться в Польшу.

Правительство всегда стремилось рассеять ссыльных и предотвратить их скопление в таком количестве, которое могло бы создать проблемы. Главная цель депортации в Сибирь – заселение страны и освоение её природных богатств. Хотя Россия занимает почти восьмую часть территории земного шара, её население составляет всего около семидесяти миллионов человек. Её политика направлена на заселение своей территории, и она направляет свои усилия на достижение этой цели. Она не допускает значительной эмиграции своих подданных и наказывает смертной казнью лишь немногие преступления. Несмотря на общую терпимость к религиозным вопросам, она сурово наказывает определённые секты, которые препятствуют распространению православия. Сибирь гораздо больше нуждается в населении, чем европейская Россия, и ссыльных отправляют туда, чтобы они стали жителями.

Что касается приговора, то между политическими и уголовными ссыльными мало различий. Приговор выносится в соответствии с преступлением и может быть мягким или суровым. Некоторые ссыльные просто отправляются в Сибирь и могут делать почти все, кроме как уезжать. Они могут путешествовать по своему выбору, заниматься бизнесом и даже занимать государственные должности. Тот факт, что они эмигрировали не по своей воле, не является препятствием для их прогресса. Если они забудут о своих злых поступках и станут хорошими гражданами, другие будут столь же равнодушны и будут их поощрять. У них есть особые стимулы стать колонистами и обрабатывать землю или разрабатывать её минеральные богатства. С честностью и трудолюбием у них, по крайней мере, есть неплохие шансы в жизни.

Некоторые ссыльные ограничены определенными районами, городами или селами и должны через установленные промежутки времени являться начальнику полиции. Эти промежутки не одинаковы во всех случаях, но варьируются от одного дня до месяца или даже больше. Некоторым не разрешается выходить за пределы установленных границ без прямого разрешения властей, в то время как другие могут отсутствовать по своему выбору в промежутках между явками в полицию. Некоторые могут заниматься любым бизнесом, который считают выгодным, в то время как другим запрещены определенные виды деятельности, но они не ограничены в других.

Преступники определенной категории не могут заниматься торговлей, и то же ограничение распространяется на «политических». Ни один преступник не может быть учителем ни в государственной, ни в частной школе, и ни один «политический» не может преподавать в государственной школе. Во время моего пребывания в Сибири был издан приказ, запре-

щающий последней категории заниматься какой-либо образовательной деятельностью, кроме музыки, рисования и живописи.

Многих преступников и политических ссыльных «призывают в армию» примерно так же, как наши тюрьмы отправляли своих заключенных на военную службу во время нашей недавней войны. Сроки их призыва различны, но, как правило, не менее пятнадцати лет. Мужчины получают жалование и пайки солдат и имеют возможность повышения по службе. Их отправляют в полки, дислоцированные на отдаленных постах, чтобы уменьшить вероятность дезертирства. Сибирские и кавказские полки получают большую часть этих новобранцев. Многие члены упомянутых ранее религиозных сект отправляются на Кавказскую границу. Говорят, что они очень покладисты и послушны, но ненадежны для агрессивных военных операций.

Ссылный может получать от своих друзей деньги в размере не более двадцати пяти рублей в месяц. Если у его жены есть собственное имущество, она может получать отдельный доход. Те, кто находится в тюрьмах или на принудительных работах, могут получать деньги в том же объеме, но деньги должны проходить через руки чиновников. Конечно, заключенных в тюрьмах кормит государство, как и тех, кто приговорен к каторжным работам. Мужчины, ограниченные в передвижении по деревням и лишённые прибыльной работы, получают ежемесячные пособия деньгами и мукой, едва достаточные для их существования. Есть жалобы на то, что нечестные чиновники крадут часть этих пособий, но эта практика встречается не так часто, как раньше. Комфорт заключенного в любой части мира в значительной степени зависит от характера офицера, который за ним присматривает. Сибирь не является исключением из этого правила. Раньше польские ссыльные пользовались большей социальной свободой, чем сейчас. Причина этих изменений мне объяснили так:

Пять или шесть лет назад польский дворянин, находившийся в ссылке, жил в Иркутске и пользовался дружбой нескольких офицеров. Недавно открылся Амур, и этот человек попросил и получил разрешение посетить его, дав слово не покидать Сибирь. В Николаевске он воспользовался возможностью бежать и посоветовал другим сделать то же самое. Это нарушение доверия привело к ужесточению режима, и недоверие усилилось из-за поведения других ссыльных. С тех пор поляки находятся под более серьезным контролем.

Многие книги о России содержат интересные истории о жестокости по отношению к ссыльным, как в пути, так и после того, как они достигли места назначения. Несомненно, были случаи жестокости, как и в любой стране христианского мира, но я не думаю, что русские в этом отношении хуже других народов. Во время своего путешествия по Сибири я видел очень много ссыльных. Часто, путешествуя по зимним дорогам, я встречал конвои ссыльных и никогда не замечал никаких признаков излишней жестокости. Пять шестых ссыльных, которых я встречал на дороге, ехали в санях, подобных тем, которые использовали русские купцы во время путешествий. Обычно в санях было три человека, и я считал их одетыми вполне комфортно. Я не видел никакой разницы между ними и их охранниками, за исключением того, что последние были вооружены мушкетами и саблями. Женщины среди них пользовались особым вниманием, особенно молодые и красивые. Я видел двух пожилых дам, с которыми солдаты обращались бережно и с явным почтением. Когда ссыльные шли пешком, их охранники шли вместе с ними, а женщины в конвое ехали в санях.

Цель депортации – заселение Сибири; если бы правительство допускало жестокости, из-за которых половина ссыльных погибла в дороге, как утверждают некоторые источники, это противоречило бы его политике. Как уже упоминалось, преклонный возраст большинства декабристов доказывает, что они не подвергались физическим пыткам. Я ни на секунду не предполагаю, что ссылка привлекательна или желательна, но, насколько мне известно, она не обладает теми ужасами, которые ей приписываются. Самая ужасная часть ссылки – это отправление на каторжные работы, но неприятные последствия такого наказания не ограни-

чиваются Сибирью. Много свидетельств по этому поводу можно найти в Синг-Синге и Пен-тонвилле.

Неприятно покидать свой дом и становиться невольным эмигрантом в далёкую страну. Сибирская дорога – это то, по чему я никогда не поехал бы просто ради удовольствия, и я прекрасно понимаю, насколько это может быть неприятно, когда путешествуешь против своей воли. Но, оказавшись в Сибири, многие ссыльные живут в более благоприятных условиях, чем дома. Если человек может забыть о своем лишении свободы, а я полагаю, это самое трудное, то при обычных обстоятельствах его положение в Сибири не так уж и плохо. Конечно, многие ссыльные предпочитают остаться здесь после окончания срока ссылки. Рабочий получает более высокую оплату за свои услуги и имеет более гарантированную работу, чем в европейской части России. Он ведёт более независимую жизнь и имеет лучшие перспективы продвижения по службе, чем в старой цивилизации. Многие поляки говорят, что их против воли втянули в действия, которые привели к их ссылке, и если они вернутся домой, то могут снова попасть в подобные неприятности. В Польше они частично находятся во власти недовольных, которым нечего терять и которые никогда не могут чувствовать себя спокойно. В Сибири нет подобных тревожных влияний.

Ежегодно в Сибирь отправляют около десяти тысяч ссыльных. За исключением периодов политических волнений в Польше или других странах, почти все ссыльные являются преступниками, совершающими преступления против общества или собственности. Представление о том, что они, как правило, «политические», очень далеко от истины. С таким же успехом можно предположить, что большинство заключённых в Синг-Синге были из высших слоев нью-йоркской элиты.

Я часто расспрашивал о положении ссыльных, и, насколько мне удалось узнать, они, как правило, жили хорошо. Я говорю «как правило», потому что слышал о некоторых случаях бедности и лишений, и, несомненно, были и другие, о которых я никогда не слышал. Большая часть населения Сибири состоит из ссыльных и их потомков. Один джентльмен часто присылал мне свою карету во время моего пребывания в Иркутске. Ею управлял опытный кучер, который порадовал меня своим мастерством и лихим стилем вождения. Однажды вечером, когда он был немного пьян, мы с другом обсудили его состояние по-французски и с удивлением обнаружили, что он нас понял. Он был эмигрантом из Санкт-Петербурга, где работал кучером у французского купца.

Клерк гостиницы был эмигрантом, как и один из официантов. В рядах извозчиков, или кучеров, было много эмигрантов, как и среди рабочих других профессий. Иногда клерки в магазинах, торговцы на рынке, сапожники и портные объясняли свой выбор Сибири в качестве места жительства каким-то несоответствием между их поведением и законами. Я встретил польского джентльмена, заведующего музеем географического общества Восточной Сибири, и мне сказали, что в его руках учреждение быстро процветает. Два врача из Иркутска были «несчастливыми» из Варшавы, и один из них превзошел всех конкурентов по масштабу и успеху своей практики. Также были производители сигарет, торговцы различными товарами и профессор разных искусств. Некоторые из образованных сибиряков, с которыми я встречался, рассказывали мне, что их обучали почти исключительно сосланные.

До отмены крепостного права собственник мог отправить своего холопа в ссылку. От него не требовалось указывать причину; в протоколе, сопровождающем приказ о ссылке, говорилось лишь, что крепостной был сослан «по воле своего господина». Эта привилегия была подвержена огромным злоупотреблениям, но, к счастью, указ отменил её. Система, несомненно, была задумана для того, чтобы позволить собственникам избавляться от крепостных, которые были ленивы, распутны или сварливы, но не совершили никаких деяний, рассматриваемых, как уголовные.

Барин, сославший крепостного, был обязан оплатить его дорожные расходы в размере двадцати пяти рублей и обеспечить его летней и зимней одеждой. Жена могла следовать за мужем вместе со всеми их несовершеннолетними детьми, и все их расходы должны были быть оплачены. Злоупотребление системой заключалось в праве изгнать человека, не совершившего никакого правонарушения. Бывало, что лучший крестьянин имения навлекал на себя недовольство хозяина и в результате отправлялся в Сибирь. Ссылка – суровое наказание для русского крестьянина, который связан с местом, где прошла его юность.

Каждый крепостной, сосланный за незначительное правонарушение или по воле своего господина, по прибытии в Сибирь назначался на проживание в определенный район. Если по истечении трех лет он мог предоставить справку о безупречном поведении, ему разрешалось расчищать и обрабатывать столько земли, сколько он пожелает. Если он был холост, он мог жениться, но не был принужден к этому. Он был освобожден от налогов на двенадцать лет, а после этого платил лишь незначительную сумму. У него не было хозяина, и он мог действовать самостоятельно во всех делах, за исключением возвращения в Россию. Он находился в невыгодном положении, не имея юридического статуса, и хотя земля, которую он обрабатывал, была его собственностью, и никто не мог его беспокоить, он не владел ею на основании письменного права собственности. Преступник, работавший на шахтах, по истечении срока заключения попадал в ту же категорию, что и сосланный за мелкие правонарушения. Оба обрабатывали землю одинаково и на равных условиях. Некоторые разбогатели и смогли получить привилегии гражданства.

Глава XXXVII. Ссылные поляки

Потомков ссылных гораздо больше, чем самих ссылных. Восточная Сибирь в основном населена ими, а Западная Сибирь – в значительной степени. Все они свободные крестьяне и находятся в гораздо более высоком положении, чем крепостные в системе, существовавшей до 1861 года. Многие из них разбогатели благодаря золотодобыче, торговле и сельскому хозяйству и занимают должности, которых они никогда не смогли бы достичь, живя в европейской части России. Я знаю одного купца, чье состояние исчисляется миллионами, и который известен по всей Сибири своей предприимчивостью и щедростью. Он сын ссылного крепостного и добился успеха собственными руками. После того, как я покинул Сибирь, я с удовольствием узнал, что император наградил его орденом. Мне рассказывали о многих видных купцах и горняках-собственниках как о примерах процветания второго и третьего поколений ссылных. Мне рассказали о богатом золотоискателе, чья жизнь окрашена значительным состоянием и двумя хорошо образованными детьми. Сорок лет назад его хозяин по прихоти отправил его в Сибирь. Для него это изгнание стало «лучшим, что могло случиться».

Система крепостного права никогда не имела практического применения в Сибири. На момент эмансипации существовал только один сибирский крепостной собственник. Это был господин Родинков из Красноярска, чей дед получил от императрицы Екатерины пожалование крепостных и дворянский титул. Никто из его семьи, за единственным исключением, никогда не пытался осуществлять власть над крестьянами более чем номинально, и этот человек поплатился за свою неосторожность жизнью. Он попытался реализовать все свои права собственника, и результатом стала его насильственная смерть во время визита в одно из своих имений.

Разница между условиями русского и сибирского крестьянства заключалась в разнице между рабством и свободой. У крепостника редко были общие интересы со своими крепостными, и его главной задачей было извлечь максимальную выгоду из своего человеческого имущества. Крепостное право унижало как господина, так и крепостного, подобно тому как рабство унижало хозяина и раба. Мужик нес на себе отпечаток рабства, как и негр-раб, и потребует столько же времени, чтобы стереть его с одного, сколько и с другого. Столетия угнетения в России не могли не создать огромную пропасть между знатью и теми, кто ей подчинялся. Благодаря императору Александру работа по заполнению этой пропасти началась, но для ее завершения потребуется много лет и много труда.

Относительная свобода, которой пользовались в Сибири, не осталась без видимых результатов. Крестьяне были более обеспечены, чем в России, жили в лучших домах и наслаждались большим количеством жизненных удобств. Отсутствие господ и свобода действовать самостоятельно породили в крестьянском классе атмосферу независимости, которая приятно контрастировала с подобострастным рабством крепостного. Богатство было доступно всем, кто его искал, и барьеры между различными слоями общества были частично разрушены. Разбогатевшие крестьяне начали уделять больше внимания образованию своих детей, чем это делал тот же класс в России, и стремление к образованию быстро росло. Освобождение крепостных в России, вероятно, произошло благодаря заметному превосходству сибирского населения в благосостоянии и интеллекте.

В грядущие века русские будут чтить имя Александра не меньше, чем имя Петра Великого. Последнему по праву принадлежит заслуга в выведении нации из варварства; первому принадлежит бессмертная честь снять пятно крепостничества. Трудности на этом пути были велики, и у императора было мало сторонников, но он неуклонно преследовал свою цель и в конце концов заслужил вечную благодарность своего народа. Россия все еще находится на стадии развития. Шок от перемен был сильным и не обошелся без опасностей, но кри-

тический период пройден, и нация начала путь к свободе. Крепостной пробудился к новой жизни, и его образование только начинается. Уже наблюдается рост благосостояния в некоторых частях империи, что свидетельствует о том, что свободный человек понимает свое новое положение. Владельцы крепостными, которые смогли оценить и подготовиться к переменам, получили от этого выгоду, в то время как другие, упорствовавшие в своем праве угнетать других, разорились. В целом, разрушительные последствия перехода оказались меньше, чем ожидали многие сторонники этой меры, и ни в коем случае не сравнятся с теми, которые предсказывали ее противники. Но самые грандиозные результаты в прогрессе нации еще впереди.

В последние несколько лет добыча полезных ископаемых на шахтах за счет государства значительно сократилась, и число заключенных, осужденных на каторжные работы в Сибири, более чем соответствует мощности шахт. Когда после польской революции 1863 года в Иркутск прибыли политические ссыльные, шахты уже были заполнены заключенными. «Политические», приговоренные к каторжным работам, были задействованы в строительстве дорог, большинство из них были отправлены к южной оконечности озера Байкал. В июне 1866 года на эти работы было отправлено семьсот двадцать заключенных, разделенных на восемь или десять групп для работы на стольких же участках дороги. До конца месяца произошло восстание. Несколько поляков рассказали мне, что заключенные были полуголодными, а скудная еда, которую они получали, была невкусной. Голод и желание бежать были мотивами восстания. С другой стороны, русские сказали мне, что заключенных хорошо кормили, и восстание следует объяснить исключительно надеждой на побег из Сибири.

От офицера, заседавшего в военном трибунале, расследовавшем это дело, я получил следующие сведения:

24 июня (по старому стилю) рабочая группа в деревне Культукской на западном конце дороги разоружила свою охрану внезапным и бескровным нападением. Затем повстанцы двинулись на восток вдоль дороги и по пути последовательно обезвреживали охрану других групп. Многие из заключенных отказались участвовать в этом деле и остались на работе. Польский офицер по имени Шарамович принял командование над повстанцами, которые направили свой марш к Посольскому (на восточном берегу озера Байкал).

Как только известие о случившемся достигло Иркутска, генерал-губернатор приказал на пароходе отправить в Посольский батальон солдат. 28 июня на произошло сражение. Повстанцы были разгромлены, потеряв двадцать пять или тридцать человек, в то время как отряд, посланный против них, потерял пять человек и одного офицера. Польский лидер был среди убитых. После поражения повстанцы разделились на небольшие группы и бежали в горы. Их преследовала татарская кавалерия, которая тщательно прочесала местность и отловила всех беглецов. Восстание вызвало большую тревогу сразу после своего начала, так как предполагалось, что все пленные в Сибири были вовлечены в заговор. Распространялись преувеличенные слухи, и были приняты все возможные меры предосторожности, но они оказались излишними. Заговор не распространился дальше рабочих групп на Байкальской дороге.

Татарская конница

Пленников доставили в Иркутск, где военный суд расследовал дело. Российский военный суд существенно не отличается от любого другого по порядку проведения разбирательства. Для вынесения приговора требуется наличие неопровержимых доказательств в пользу или против обвиняемого, и, как и другие суды, суд предоставляет ему презумпцию невиновности. Мой информатор сообщил мне, что суд в этом деле заслушал все доказательства, которые могли иметь какое-либо отношение к вопросу. Заседание продолжалось несколько недель, и после долгих обсуждений суд вынес решение и приговор.

В решении заключенные были разделены на пять категорий, и их приговоры соответствовали букве закона. Первая категория включала семь человек, известных как лидеры восстания. Они были приговорены к расстрелу. Во второй категории было сто девяносто семь человек, которые знали о замысле восстания и присоединились к нему. Одна десятая из них должна была понести смертную казнь, выбор был сделан по жребию; остальные были приговорены к двадцати годам каторжных работ. Третья категория включала сто двадцать два человека, не знавших о заговоре до восстания, но присоединившихся к повстанцам. К их первоначальным срокам каторжных работ было добавлено два или три года. Четвертая группа включала девяносто четыре человека, которые знали о замысле восстания, но отказались присоединиться к повстанцам. Их приговорили «оставаться под подозрением». В пятом и последнем отряде было двести шестьдесят человек, которые ничего не знали о заговоре и остались на своих постах. Их невиновность была полностью доказана, и, конечно же, это сняло с них все обвинения.

Выяснилось, что повстанцы планировали бежать в Монголию и добраться до Пекина. Это было бы практически невозможно по двум причинам: особенности страны и договор между Китаем и Россией. Регион, который нужно было пересечь от сибирской границы до Пекина, – это монгольская степь или пустыня. Единственной пищей, которую можно было добыть в степи, была баранина из стад кочевых жителей. Они в основном пасутся вдоль дороги из Кяхты, и даже там их было совсем немного. Беглецы, избегая дороги ради безопасности, подвергались бы большому риску голода. Договор между Китаем и Россией предусматривает выдачу беглецов из одной империи в другую. Если бы ссыльным удалось пересечь Монголию и добраться до густонаселенных районов Китая, они снова оказались бы в плену и вернулись бы в Россию.

Решение военного суда было представлено генералу Корсакову для утверждения или пересмотра. Генерал заменил приговор трем осужденным по первой степени на двадцать лет каторжных работ. Те, кто был приговорен по второй степени к смертной казни, были освобождены от этого наказания и поставлены на один уровень со своими товарищами. В третьей степени первоначальный приговор (на момент ссылки) был увеличен на один или два года каторжных работ. Другие наказания не были изменены.

Во время моего пребывания в Иркутске четверо заключенных, приговоренных к смертной казни, подверглись высшей мере наказания, казнь произошла в лесу недалеко от города. Расстрельная команда из сорока восьми человек была разделена на четыре отряда. По ритуалу всех военных казней, в каждом отряде один мушкет заряжали холостым патроном. Четверо заключенных были расстреляны одновременно, и все умерли мгновенно. Двое из них были глубоко подавлены; остальные встретили смерть с твердым видом, крича «Да здравствует Польша!», услышав приказ солдатам открыть огонь.

Мне рассказали, что толпа зевак, хотя и большая, была очень тихой и молча разошлась после окончания казни. Среди наблюдавших присутствовало очень мало офицеров и солдат, за исключением тех, чьи обязанности требовали от них быть свидетелями или участниками этого события.

Одним из самых примечательных побегов из Сибири был побег Руфина Пиотровского, польского эмигранта, который покинул Париж в 1844 году, чтобы вернуться на родину с планами и примитивными идеями по её освобождению. Конечным пунктом его пути был Каменец * в Подолии, где он выдал себя за француза, приехавшего давать частные уроки иностранных языков, и получил обычное разрешение от властей, не вызвав никаких подозрений. Вскоре он попал в высшее общество и выбрал для своего поселения дома русских служащих. Его безопасность основывалась на том, что он, как предполагалось, не понимал польского языка; и за девять месяцев, что он там находился, он настолько владел собой, что у полиции не возникло ни малейшего подозрения, что он поляк. О нем поступила информация из Санкт-Петербурга, в свою очередь, полученная от шпионов в Париже.

** Город Каменец-Подольский на юго-западе современной Украины – А.С.*

Ранним зимним утром начальник полиции грубо разбудил поляка и отвел к губернатору, специально прибывшему в Каменец по этому делу. Замыслы задержанного были представлены как крайне опасное предприятие, и от него добивались полного признания. Много дней он отказывался это делать, пока его не привели в тюрьму, где содержались многие из его сообщников; их усталые, встревоженные лица заставили его громко воскликнуть на родном языке: «Да, я поляк, и вернулся, потому что больше не мог терпеть изгнание в Западную Европу из родной земли. Здесь я хотел жить спокойно и безбидно, доверив свой секрет только нескольким соотечественникам; и мне больше нечего сказать». Был отдан немедленный приказ о высылке преступника в Киев. Ему надели ржавые цепи, кольца которых охватили лодыжки

ног. Оковы оказались слишком малы, так что боль была невыносимой. Его грубо понесли и бросили в повозку, и таким образом он прибыл в Киевскую крепость почти без сознания.

После многих месяцев заключения в этой тюрьме, под пристальным наблюдением и жестоким обращением, он был приговорен к пожизненным каторжным работам в Сибири, лишен дворянского звания и его отправили к месту ссылки в цепях. Как только его отвели к кибитке и поместили между двумя вооруженными солдатами; ворота крепости распахнули, и перед ним открылась дорога в Сибирь. К Пиотровскому подошёл служащий и робко протянул ему небольшой пакет, сказав: «Примите это в день моего святого. Вы поляк и не знаете наших обычаев. Сегодня мой праздник, и мой долг помогать несчастным. Пожалуйста, примите это во имя моего святого, в честь которого я назван». В пакете были хлеб, соль и деньги.

Путешествие продолжалось около месяца день и ночь с невероятной скоростью, пока посреди ночи они не остановились у Омской крепости, где его на несколько часов поместили с молодым офицером, совершившим какое-то правонарушение. Они разговаривали до самого утра – так велико было удовольствие поляка от встречи с образованным человеком. В комнате лежала карта Сибири, которую Пиотровский с интересом рассматривал. «Вы размышляете о побеге? – спросил офицер, – Пожалуйста, даже не думайте об этом: многие ваши соотечественники пытались, и им это не удалось».

В полдень поляка привели к князю Горчакову, и настал решающий момент его судьбы: его могли либо отправить на какие-нибудь правительственные заводы поблизости, либо в шахты. Час прошёл в мучительном неведении, пока обсуждался этот вопрос. Наконец один из членов совета объявил ему, что его отправят на винокурню Екатерининского завода, в трёхстах милях к северу от Омска. Он немедленно отправился в путь.

Зимним утром он добрался до обширной равнины у реки Иртыш, где вокруг фабрики была построена деревня из примерно двухсот деревянных хижин. Когда его привели в канцелярию, молодой человек (писарь) вскочил и обнял Пиотровского. Он был поляком из Кракова, известным поэтом, и был отправлен в ссылку пожизненно «в качестве меры предосторожности». Вскоре к ним присоединился еще один политический преступник: они умоляли своего нового друга терпеть все с покорностью и терпением, как единственный способ избежать низкооплачиваемой работы и получить повышение до должности в канцелярии.

Пришел каторжник и приказал поляку взять метлу и убрать кучу грязи, оставленную каменщиками. Работа продолжалась до наступления ночи, когда двум его друзьям разрешили навестить его в присутствии солдат и каторжников, большинство из которых были виновны в жестоких преступлениях.

Так день за днем он подметал, носил дрова и воду. Его хорошее поведение способствовало тому, что через полтора года он был переведен на должность, где получал десять рублей в месяц и продовольствие, а работа была легкой. За это время он общался со многими крестьянами и путешественниками, собирая всю информацию о дорогах, реках и т. д., с целью побега, о котором он всегда мечтал. Некоторые местные жители вместе с солдатами осуществляли непрерывный надзор за осужденными, а среди татар ходила поговорка: «Убив белку, получаешь только одну шкуру, а у беглого осужденного три – пальто, сапоги и рубашка».

Медленно и с трудом он собирал все необходимое для побега. Прежде всего, был необходим паспорт. У осужденного за изготовление фальшивых денег все еще хранился штамп с царским гербом; этот штамп Пиотровский купил за несколько рублей. Лист бумаги легко раздобыли в конторе, и паспорт подделали. В течение нескольких недель он раздобыл шапку из овчины, три рубашки и овчинный полушубок. В морозную ночь он покинул завод и отправился в Тару (город в Омской области – А.С.), решив попробовать северную дорогу на Архангельск, поскольку она была наименее посещаемой. Вскоре в Ирбите, у подножия Урала, должна была состояться большая ярмарка, и он надеялся спрятаться в огромной толпе людей, которые ее посещали. Вскоре после того, как он переправился через реку, позади него послышался

стук копыт. Крестьянин, управлявший санями, за небольшую плату доставил поляка сначала в Тару, а затем Пиотровский, пережив несколько опасных приключений, в одном из которых он лишился части денег и паспорта, добрался до Ирбита.

Оттуда он, опять же с приключениями, добрался до Великого Устюга на Северной Двине. Там он изобразил из себя паломника, направлявшегося в Соловецкий монастырь на Белом море. С паломников паспорта не требовали, и он присоединился к группе реальных паломников. За две недели они на плотах, перевозивших зерно, сплавились вниз по Северной Двине, добравшись до Архангельска. Но там он не смог найти ни одного судна направляющегося во Францию или Германию.

Из Архангельска Пиотровский отправился в Вытегру (в Вологодской области – А.С.), а оттуда на попутных лодках по Онежскому и Ладожскому озерам добрался до Петербурга. Там он за небольшую плату устроился пассажиром на малый парусник и отплыл в Ригу.

Из Риги он прошёл через Курляндию и Литву. Ещё предстояло преодолеть трудности пересечения русской границы с Пруссией. Пиотровский сумел перейти границу, воспользовавшись халатностью пограничников, но вслед ему прозвучали несколько запоздалых выстрелов. В Пруссии его задержали из-за отсутствия документов, и он выдал себя за французского купца, которого ограбили. Однако, ему не поверили, но французский адвокат, которому Пиотровский поведал свою историю, проникся состраданием, и внес залог за временное освобождение поляка. Несколько немецких джентльменов, которые узнали об «одиссее» Пиотровского, организовали тайное бегство поляка во Францию, и он через четыре года после того, как покинул Париж, вновь оказался там в полной безопасности.

** Руфин Пиотровский (1806—1872) – участник польского восстания 1830 года. После поражения восстания эмигрировал во Францию. В 1843 году вернулся в Польшу. Был арестован и сослан в бессрочную каторгу на Екатерининский винокурный завод под Омском. Работал в канцелярии завода. В 1845 году совершил побег, под видом богомольца добрался до Архангельска; затем перебрался в Петербург и через Ригу достиг Кенигсберга. В 1847 обосновался в Париже. В 1867 году вернулся на родину, в город Тарнув – А.С.*

Глава XXXVIII. Русские сани и русские ямщики

Я оставался в Иркутске, пока не выпал снег и зимние дороги не стали пригодны для передвижения. В один день вся движущаяся часть города, которая была на колесах, на следующий день скользила на полозьях. Маленькие сани извозчиков, точно такие же, как в Санкт-Петербурге и Москве, – миниатюрные штуковины, где вы сидите, почти уткнувшись лицом в спину возницы и не можете взять с собой друга, чрезмерно не стеснив себя. Они быстро передвигаются, и, к счастью, недорогие. Имея лошадь, маленькие сани и достаточный капитал для покупки лицензии, один из этих предприимчивых парней начинает свой бизнес. Никто не думает ходить пешком в Москве или Санкт-Петербурге, если только у него нет денег. Говорят, что только в Санкт-Петербурге зимой разъезжают тридцать тысяч саней, а в Москве – две трети от этого количества. Провинциальные города также хорошо обеспечены санным транспортом пропорционально своему населению.

Естественно предположить, что аварии происходят часто там, где много повозок и царит мода на быструю езду. Тем не менее, аварии редки, поскольку извозчики подвергаются суровым наказаниям, если сбивают кого-либо. Кроме того, лошади быстрые и умные, и, поскольку ими управляют без шор, они могут свободно глядеть по сторонам. На мой взгляд, такой метод езды лучше нашего, и большинство иностранцев, живущих в России, склонны его принять. Шоры, рассматриваемые нами как украшение, украшают лошадь примерно так же, как повязка на глаза украшает человека.

С первым снегопадом я начал готовиться к отъезду. Я вызвал портного и заказал различные изделия из меха и овчины для дороги. Он снял с меня мерки для пальто, шапки, пары чулок и все для саней из овчины. Затем он снял мерки с моих ушей для пары лацканов и предложил меховые носки, которые нужно носить под чулками. Когда результат его труда был свален в кучу на полу моей комнаты, я был встревожен его размером и задался вопросом, можно ли вообще уместить всё это в одни сани. Из кусочка соболиной шкуры одна знакомая сшила мне варежку для носа, которую нужно было носить в самый лютый мороз. Это не улучшало внешний вид, хотя и очень способствовало комфорту.

Путешествовать «на перекладных» (с пересадкой на каждой станции) и так достаточно утомительно летом, но в десять раз утомительнее зимой. Высаживаться каждые два-три часа, когда температура опускается ниже нуля, и переключать багаж и меха из одних саней в другие – это абсолютная головная боль. Зимой «на перекладных» путешествует очень мало людей, и на почтовых станциях мало саней, потому что на них редко бывает спрос. Почти все путешественники покупают сани перед отправлением и продают их по окончании поездки.

Я осмотрел Иркутский рынок и обнаружил несколько саней, выставленных на продажу. По всей Сибири предпочтение отдается казанским саням, поскольку они лучше сделаны и удобнее своих конкурентов. Мое внимание привлекли несколько повозок местного производства, но друзья посоветовали мне не пробовать их. Я искал казанскую кибитку и с помощью предусмотрительного извозчика мне удалось ее найти. Покупка была совершена особым русским способом.

Продавцом был мещанин, или русский купец из крестьянского сословия. В сопровождении друга я зашел к нему домой, и наши переговоры начались за обедом и бутылкой наливки. По крайней мере, полчаса мы не говорили ни о чем, что было мне и ему ближе всего, а беседовали на общие темы. Наконец мой друг намекнул, что я подумываю о том, чтобы поселиться в Иркутске. Это было воспринято с радостью, и мы выпили еще по бокалу наливки, в дополнение к как минимум полудюжине бокалов, которые я уже проглотил.

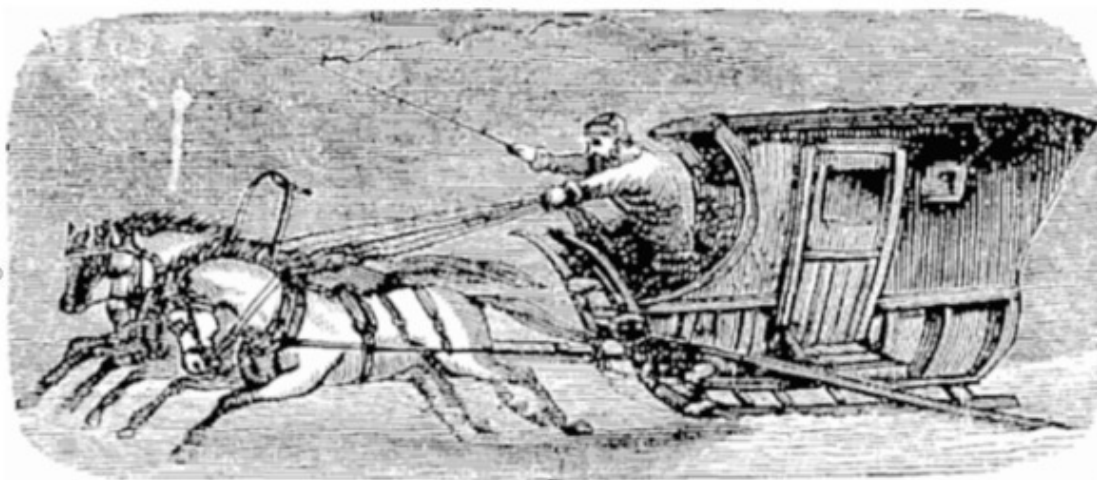
«Почему бы нам не перейти сразу к саням и не уладить этот вопрос? – спросил я, – Вы, вероятно, знаете, чего мы хотим».

«Не будьте нетерпеливы, – сказал мой друг; – вы не понимаете этих людей; вы должны мягко направлять разговор. Когда хочешь совершить сделку, начинай с малого. Если хочешь купить лошадь, притворись, что хочешь продать корову, но сначала не упоминай лошадь. Если упомянешь, то никогда не добьешься успеха».

Мы очень осторожно уклонялись от темы и наконец добрались до нее. Это было настолько важно, что мы выпили по глотку, пока торговец приказывал оттащить сани во двор. Мы выпили еще один бокал перед тем, как отправиться на осмотр, еще один позже, когда вернулись в дом, и еще один, как только сели. После этого наши переговоры шли довольно быстро, но было много языковых пауз, которые требовали восполнения жидкости. После попытки снизить цену, я заключил с ним сделку, и мы закрепили ее выпивкой. Сани пользовались большим спросом, так как многие отправлялись в Россию, и я завершил свою покупку, заплатив на месте и приняв еще один стакан наливки. В завершение сделки мещанин уговорил меня выпить еще, попросил сфотографироваться и пообещал добавить что-нибудь к саням.

Сибирские крестьяне во многом похожи на китайцев в своем способе ведения переговоров. Ни те, ни другие не начинают с самого дела, а с чего-то совершенно другого. Много времени, чая и табака уходит на то, чтобы честно встретиться с противниками. Когда дело доходит до главного, они постепенно приближаются к сути и заключают сделку там, где и ожидали, и намеревались. Американец сразу перешел бы к делу, и в общении с любой из вышеупомянутых рас его прямолинейность поставила бы под угрозу все дело. Во многих вопросах такое терпеливое ведение переговоров выгодно, и нигде это не проявляется так ярко, как в дипломатии. Все, несомненно, признают, что русские непревзойденные в дипломатическом мастерстве. Они обладают способностью нежно прикасаться и играть со своими противниками в большей степени, чем любая другая нация Западной Европы. При прочих равных условиях эта способность приносит успех.

Существует несколько описаний саней для путешествий по Сибири. Во главе стоит «возок», коробчатое сооружение, в целом напоминающее американскую карету на полозьях. У него есть дверь с каждой стороны и стеклянные окна, и он достаточно длинный, чтобы человек мог лежать в полный рост.

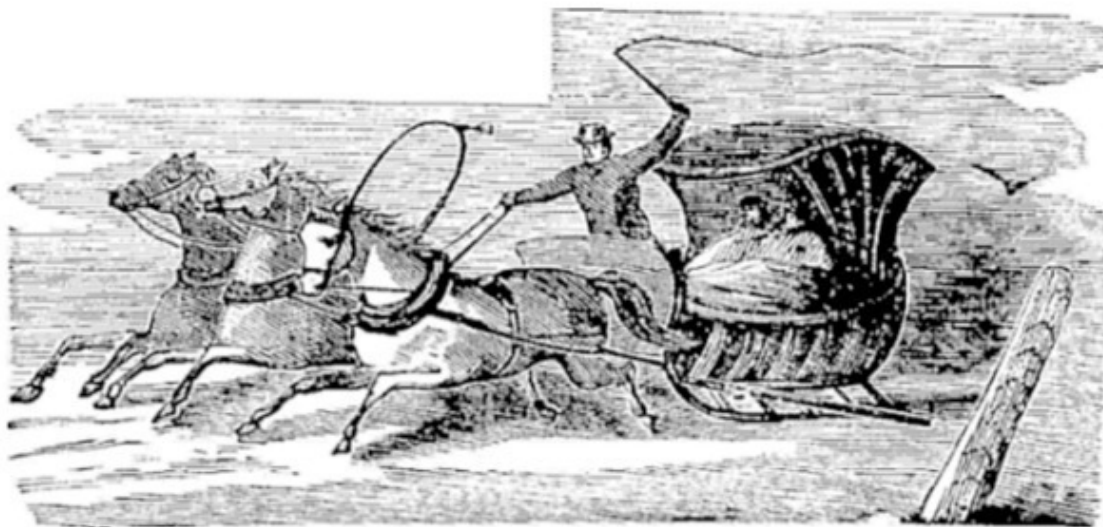

Возок

В «возке» вполне поместятся три человека с ограниченным багажом. Повозка по форме напоминает тарантас или новоанглийскую карету длиной около семи футов и шириной четыре. Багаж можно пристегнуть к бокам повозки, полностью блокируя пассажиров. «Возком» пользуются семьи или женщины, но обычную кибитку обычно предпочитают мужчины из-за возможности открывать её в хорошую погоду и закрывать ночью или во время снежной бури.

Похожие на «возок», но менее удобные экипажи, называются просто повозкой. В обоих случаях возница сидит на передней части, свесив ноги через борт. Его сиденье не очень надёжно, и на неровной дороге он должен быть осторожен, чтобы не упасть. «Почему у вас нет сиденья получше для вашего возницы?» – спросил я у своего друга, когда мы договаривались о санях. «О, – сказал он, – это лучший способ, так как он не может уснуть. Если бы у него было место получше, он бы спал и потерял время, медленно путешествуя».

Сани, широко используемые русскими купцами, имеют форму вытянутого мельничного бункера. Они обладают огромной грузоподъемностью, а в плохую погоду их можно накрыть циновкой, чтобы защитить от холода и снега. Они большие, тяжелые и громоздкие, приспособлены для медленного передвижения и перевозки большого количества багажа. Все эти особенности связаны с полозьями, расположенными примерно в тридцати дюймах (76 см) друг от друга и обычно обкованными железом. С каждой стороны имеется крыло или выносная опора, которая служит двойной цели: уменьшает травмы от столкновений и предотвращает опрокидывание саней. Это прочный шест, прикрепленный к переднему концу саней и наклоненный вниз и наружу к задней части, где он находится в двух футах от полозьев, и удерживается прочными распорками. На ровной поверхности он не касается снега, но если сани по какой-либо причине наклонятся, выносная опора, как правило, предотвратит опрокидывание. При столкновении с другими санями крыло играет важную роль. Меня иногда с силой отбрасывало вбок, когда вероятность столкновения казалась высокой. Крылья сталкивались, как пара фехтовальных рапир, и никаких повреждений, кроме шока от столкновения, не было.

Кибитка с «выносной опорой»

Лошади запрягаются по-русски: одна находится под ярмом в оглоблях, а остальные прикреплены снаружи. Внутри саней нет сиденья. Путешественники раскладывают свой багаж и меха как можно ровнее и заполняют щели сеном или соломой. Они сидят, откидываются назад или лежат по своему усмотрению. В зимних путешествиях необходимы подушки.

Я обменял свой сундук на чемодан огромной вместимости и достаточно длинный, чтобы простираться по всему днищу моих саней. На первые тысячу верст до Красноярска я договорился путешествовать с молодым офицером инженерных войск, багаж которого состоял из двухсот-трехсот фунтов геологических образцов. Из провизии мы заказали говядину, капустный суп, маленькие пирожки, похожие на «пирожки с начинкой», и несколько других продуктов. Чай и сахар были незаменимы и занимали видное место. Наши супы, мясо, пироги

и прочее были заморожены и нуждались лишь в размораживании на станциях, чтобы быть готовыми к употреблению.

День перед моим отъездом был особенным днем Святого Иннокентия, единственного святого, которого особенно чтят в Сибири. Все с энтузиазмом отмечали это событие, службы начались накануне вечером, когда почти все напилось. У меня были различные приготовления: штотка, изготовление сумок, связывание тюков и тому подобное, но, хотя я предлагал щедрое вознаграждение, ни слуга, ни служанка не хотели помогать. В тот день труд нельзя было получить ни на каких условиях, и мне пришлось самому упаковывать вещи. В году есть определенные дни, посвященные святым, когда русский крестьянин не будет работать больше, чем пуританин в воскресенье. Все, кто мог это сделать в вышеупомянутый день, посетили церковь в четырех милях от Иркутска, где похоронен святой Иннокентий.

Я провел часы двух дней перед отъездом, совершая прощальные визиты в соответствии с русским этикетом. Не удовлетворившись их прежней любезностью, мои друзья организовали ужин в клубных залах в последний вечер моего пребывания в Иркутске. Другие публичные ужины носили мужской характер, но прощальный ужин обладал очарованием от присутствия пятнадцати или двадцати дам. За столом председательствовал генерал Шалашников, губернатор Иркутска и исполняющий обязанности генерал-губернатора во время отсутствия генерала Корсакова. Мы ужинали прямо под портретами последнего и нынешнего императоров России, и, глядя на портрет Николая I, я подумал, что никогда не видел его таким приятным.

После ужина столы исчезли с волшебной быстротой, и начались танцы. Пока я разговаривал в углу за столом, мне в качестве сувенира на память о моем визите вручили большой альбом с видами Иркутска.

До того вечера я сопротивлялся всем просьбам присоединиться к танцам. Я настаивал, что никогда не пытался танцевать за всю свою жизнь, и уж точно не делал этого в течение десяти лет. Мне заявили, что не один я не танцевал двадцать пять лет и некоторые знают об этом искусстве так же мало, как и я. Больше нечего было сказать. Я смирился с ожидающими меня удовольствиями и вышел на танцпол примерно так же, как слон выходит на только что замерзший пруд. Личная неуверенность и стремление к правде не позволяют мне хвально отзывать о моем успехе. Я прошел кадрили, но когда дело дошло до мазурки, я был так же «не в своей тарелке», как слепой в картинной галерее.

Моя договоренность о поездке с геологом и его тяжелым багажом сорвалась за час до отправления. Был составлен новый план, который включал поездку на санях с капитаном Павлом в Красноярск. Две наши знакомые дамы собирались туда, и я с удовольствием подождал несколько часов, наслаждаясь их обществом. Закончив приготовления, я поехал к дому мадам, откуда мы должны были отправиться. Мадам и ее дочь должны были ехать в большой кибитке, а двух слуг с большим багажом и провизией они посадили в «возок». Вместе с тремя нашими повозками мы являли собой торжественное шествие.

Мы поужинали в три часа и были готовы отправиться в путь через час. Перед тем, как покинуть дом, все расселись вокруг главной комнаты, и на минуту воцарилась полная тишина. Поднявшись, все, кто исповедовал православие, поклонились иконе и перекрестились. Этот обычай распространен по всей России и никогда не нарушается, когда начинается путешествие.

Нас ждала веселая компания, которая проводила нас до первой станции, удобно расположенной всего в восьми милях отсюда. На пароме мы обнаружили самое большое скопление людей, которое я когда-либо видел в Иркутске, не считая толпы у костра. Паром находился на другом берегу реки, и, взглянув через нее, я увидел нечто, что заставило меня присмотреться внимательнее. Было уже несколько минут после захода солнца, и стужающаяся ночь несколько нечетко высветила американские и русские флаги, плывущие на пароме. Большинство были в цветах моей страны.

Сцена стала еще живописнее благодаря множеству китайских фонариков, освещавших каждую часть судна. Городской «голова» стоял рядом со мной, наслаждаясь моим изумлением. Именно его доброте и вниманию была оказана эта прощальная любезность. Ему выпала честь развернуть первый американский флаг, когда-либо развевавшийся над Ангарой, и его поступок вызвал у меня немалый комок в горле.

Наша группа была настолько большой, что паром совершил два рейса, чтобы переправить нас через реку. Я остался до последнего рейса и на берегу реки попрощался с Иркутском и его гостеприимными жителями. Возможно, я больше не навещу их, но я никогда не забуду ту сердечную доброту, которую я там ощутил. У сибиряков очень суровый климат, но их морозы и снега не смогли погасить дух подлинной учтивости, как может засвидетельствовать каждый путешественник в этом регионе. Гостеприимство – это обычай страны, и тем приятнее, что оно оказывается от всего сердца и с радостью.

Быстро смеркалось, когда я поднялся на берег реки и начал свою поездку на санях на запад. Арочные ворота в Иркутске, расположенные недалеко от паромной пристани, называются «Московскими Воротами» и, как говорят, обращены прямо к древней столице. Выйдя на дорогу, я крикнул ямщику «Пошёл!», и мы с размахом помчались вперед. У церкви или монастыря в шести верстах отсюда я догнал нашу компанию. Дамы были в часовне, молясь о благополучном путешествии. Когда они вышли, мы были готовы ехать дальше по дороге, не отличавшейся гладкостью.

На первой станции к нам присоединились друзья, чтобы выпить чаю. Чашки, стаканы, пирожные, бутылки шампанского, пирожные и мясные деликатесы каким-то образом выползали из таинственных уголков наших повозок. Начальник станции, очевидно, привык к таким визитам, так как его комнаты были готовы к нашему приему. Мы прощались уже два часа и съели все, что было приготовлено по этому случаю. В последний момент все обменялись поцелуями.

Мы посадили дам в их сани, а затем сели в свои. Когда мы отъезжали от станции, наши друзья присоединились к нам, запев прощальную песню, которая звучала в наших ушах, пока не затерялась вдали и не была заглушена звуками более близких мест. Наши колокольчики весело звенели в морозном воздухе, когда наши лошади быстро мчались по дороге. Мы закрыли переднюю часть наших саней и устроились среди мехов и подушек. Ночь была холодной, но в своих толстых одеялах я наслаждался тропическим теплом и не обращал внимания на низкую температуру.

Наша дорога длиной в семьдесят верст лежала вдоль берега Ангары. Густой туман наполнил долину и, казалось, плотно обнимал реку. Утром все части наших саней, кроме мест трения, были покрыты белым инеем. Каждое мельчайшее волокно, торчащее из нашего брезентового покрытия, превращалось в миниатюрные сталактиты, а головки каждого гвоздя, болта и винта погружались в массу, подобную окисленному серебру. Наши лошади были белого цвета, или вовсе бесцветные, как кролики в январе; только смахнув иней, можно было обнаружить естественный оттенок их шерсти.

Во время моего пребывания в Иркутске я заметил повсеместное распространение этого тумана или инея. Обычно он образовывался ночью и был наиболее густым у реки. Утром он окутывал весь город, но когда солнце поднималось на час-два над горизонтом, туман начинал рассеиваться. Дольше всего он оставался над рекой, и я иногда оказывался в густом облаке на берегу Ангары, когда в ста метрах от меня была совершенно ясная атмосфера. Влага застывала на каждом неподвижном объекте. Дома и заборы покрывались льдом, толщина которого менялась в зависимости от погоды. Деревья и кусты превращались в скопления кристаллов и сверкали на солнце, словно состоящие из алмазов. Меня никак не покидало впечатление, что некоторые деревья были фонтанами, застывшими в момент своего расцвета. Иней играл в причудливые фокусы, и его очертания порой были чудесами красоты.

Любой, кто бывал в Санкт-Петербурге зимой, помнит эффект тумана из Финского залива после периода сильных морозов. Красные гранитные колонны Исаакиевского собора превращаются в безупречный мрамор благодаря замерзанию влаги на их поверхности. Точно так же я видел, как серая стена в Иркутске за ночь и утро превратилась в ослепительную белизну. Кристаллические образования инея обладали всеми свойствами калейдоскопа, но без цветов.

Я хорошо спал ночью, просыпаясь лишь изредка на станциях, где мы меняли лошадей, или когда сани издавали необычайно сильный стук. Утром я узнал, что мы проехали от Иркутска сто шестьдесят верст. Дорога после Ангарской долины была великолепной, и сани скользили легко и почти без толчков.

Я проснулся с рассветом и обнаружил монотонную страну, лишенную гор и имеющую лишь несколько холмов. Она была в основном покрыта лесами, а там, где велось земледелие возле деревень, наблюдалось некоторое плодородие. Между группами домов были большие расстояния, и мне они постоянно напоминали о том, что здесь места для роста населения предостаточно.

Мы остановились на завтрак вскоре после восхода солнца. Заказали самовар, и наши слуги принесли неплохой запас аппетитных маленьких пирожков и пирогов. Вместе с шестью чашками чая на каждого мы подготовились к многочасовой поездке. Мы пообедали незадолго до захода солнца, и я могу засвидетельствовать, что ужин был приготовлен безупречно.

На станциях на этой дороге очень мало того, что можно купить, поэтому опытные путешественники возят с собой собственные припасы. Горячую воду, хлеб и яйца всегда можно достать, но ничего другого. Зимой припасы легко перевозить, так как мороз защищает их от гниения и раздавливания. Суп, мясо, хлеб и другие продукты можно без проблем перевозить на дальние расстояния. Есть популярное блюдо для русских путешественников под названием «пельмени». Это небольшой шарик из рубленого мяса, размером не больше яйца малиновки, покрытый тестом. В замороженном виде пельмень, по объему сравнимый с грецким орехом, и его можно безнаказанно разбрасывать. Когда путешественник хочет отведать этого продукта, он заказывает кастрюлю с кипятком и бросает в нее двойную горсть пельменей. После пяти минут кипячения пельмени готовы к употреблению. К ним можно добавить соль, перец или уксус по вкусу.

Наш ужин в путешествии состоял из пельменей, ростбифа, куропатки с хлебом, пирожных и чая. Мебель на нашем столе была довольно скудной, а комната была завалена временно сброшенной одеждой. Дамы были без кринолинов, и их прически были явно не парижскими. Мой костюм представлял собой нечто среднее между охотничьим костюмом и повседневной одеждой портового рабочего, а мои волосы выглядели так, будто по ним недавно прошлись кустом смородины. Капитан Павел был внешне столь же непривлекателен, но какой бы ни была наша одежда, это не умаляло остроты наших appetитов. Ужин был хорош, обедающие были голодны и довольны. На сибирской дороге мода полностью отвергается, и каждый делает себе туалет, не обращая внимания на французские принципы и вкусы.

По русскому обычаю, кого-то нужно было поблагодарить за еду. Поскольку ужин был приготовлен из припасов в саних слуг, мы выразили свою благодарность мадам. С предусмотрительностью опытной путешественницы, дама тщательно подготовила свои продукты, и ее запасы были настолько обильны, что мне почти не приходилось пользоваться своими. Мы больше походили на участников пикника, чем на компанию путешественников в долгом путешествии в сибирскую зиму. Мадемуазель свободно говорила по-французски и была очаровательна в своем использовании языка. Единственным недостатком для общего общения была моя неспособность долго разговаривать с мадам без переводчика. Во время остановок мы умудрялись коротать время за чаем, беседами, а иногда и за музыкой импровизированного характера. Я помню, как благодарная публика исполнила соло на клавишном инструменте,

а затем мадемуазель и капитан сыграли дуэтом на жестяной кружке и гребешке, обмотанном бумагой для писем.

Пейзажей, заслуживающих внимания, было очень мало. Деревни, как правило, располагались на одной улице, в каждой из которых насчитывалось от десяти до ста домов. Между этими группами жилищ почти ничего не было видно, кроме череды лесистых хребтов с участками открытой местности. В первый день пути снежный пейзаж не предлагал большого разнообразия, и к вечеру я начал считать его монотонным. Деревни находились на расстоянии от десяти до двадцати миль друг от друга и были очень похожи по внешнему виду. Станции были также похожи друг на друга. В каждой была комната для путешественников, более или менее комфортабельная, и несколько апартаментов для смотрителя и его слуг. В комнате для путешественников стояли грубые стулья, один или два жестких дивана или скамейки и такое же количество столов. Пока меняли лошадей, у нас был выбор: зайти на станцию или остаться на улице. Я, как правило, предпочитал второй вариант из-за высокой температуры в помещениях, из-за которой приходилось снимать верхнюю одежду при входе. Во время остановок мне хотелось немного размять ноги, и это приносило большое облегчение.

Первым делом на станции нужно было предъявить «подорожную» и потребовать лошадей. Марко Поло рассказывал, что у великого татарского хана на главных дорогах его империи были почтовые станции на расстоянии двадцати пяти миль друг от друга. Гонец или путешественник имел при себе документ, разрешающий ему приобретать лошадей, и его всегда оперативно снабжали. Для русского путешественника сегодня «подорожная» не менее важна, чем для татарского гонца в прежние времена. Наши документы были действенными и обычно обеспечивали лошадей без особых задержек. Размер нашей группы был недостатком, так как иногда мы находили одну или две пары готовых лошадей, но были вынуждены немного подождать третью. У Павла было разрешение на получение лошадей в деревнях, а у меня был специальный паспорт с просьбой к властям «оказать мне всю необходимую помощь». Обычно это истолковывалось как требование немедленной отправки меня, и мы редко терпели неудачу в получении лошадей для третьих саней, немного уговорив смотрителя и заплатив денег.

Когда мы прибывали на станцию, сани и их содержимое оставались на улицах без охраны, но мы никогда ничего в результате кражи не теряли. На дилижансных станциях в Америке, я никогда не чувствовал себя достаточно спокойно, оставляя свое имущество на произвол судьбы. Мои спутники заверили меня, что кражи из почтовых повозок случаются редко, хотя в стране много каторжников. Коренные сибиряки известны своей честностью, и большинство ссыльных за мелкие правонарушения также ведут праведную жизнь. Я предполагаю, что злонамеренные люди в деревнях воздерживаются от воровства из-за вероятности обнаружения и наказания. Насколько я знаю, жители Сибири честнее, чем жители европейской части России. В Сибири наши сани не требовали охраны, когда мы их оставляли. После Урала приходилось нанимать человека, чтобы он присматривал за нашим имуществом, пока мы завтракали и обедали.

Поскольку лошади были собственностью станции, мы платили за них при каждой пересадке. Ни в коем случае не забывали о взятках или деньгах на выпивку, которые давались ямщику, и их размер варьировался в зависимости от оказанной услуги. Если ямщик хорошо справлялся, но не прилагал особых усилий, мы давали ему восемь или десять копеек и увеличивали сумму по мере того, как считали, что он этого заслуживает. С другой стороны, если он был упрям и неуступчив, он ничего не получал. Если он утверждал, что правила требуют лишь определенной скорости, мы парировали, что в правилах ничего не говорится о деньгах на выпивку. В целом, мы находили ямщиков услужливыми и вполне имеющими право на свои чаевые. Мы ехали с бешеной скоростью там, где позволяли дороги, и часто там, где они не позволяли. Скорость путешественника в значительной степени зависит от денег на выпивку, кото-

рые, как сообщается ямщику его коллегой, он дал на предыдущем этапе. Если он не щедр к хорошему вознице, путешественник не может рассчитывать на быстрое передвижение.

Правила требуют скорости в десять верст в час для транспортных средств, не находящихся на государственной службе. Если дороги плохие, возница может сбавить скорость, но он должен прилагать все усилия, чтобы не отставать от графика. Когда дороги хорошие, а возница испытывает жажду выпить (а это обычно так), правила не соблюдаются. Мы договорились, что мои сани будут впереди, а сани слуг – позади. С какой бы скоростью мы ни ехали, остальные обязательно следовали за нами, и наше продвижение часто было захватывающим. Деньги были сильной стороной, и мы их использовали. Пятнадцать копеек были щедрым вознаграждением, а двадцать чрезмерно щедрым. Когда мы увеличивали наше предложение до двадцати пяти или тридцати, это почти наверняка вызывало повышенный энтузиазм. Иногда денежный аргумент не срабатывал, и нам приходилось ехать по установленному законом тарифу. В таких случаях мы обычно уступали дорогу и ставили повозку дам впереди.

Мы проезжали двенадцать, четырнадцать или шестнадцать верст в час, и однажды я посмотрел на часы и обнаружил, что мы проехали чуть меньше двадцати двух верст или около четырнадцати с половиной миль за шестьдесят минут. Я не думаю, что когда-либо ездил в Америке с такой скоростью (без пара), за исключением одного раза, когда лошадь ускочила вместе со мной. Обычно мы ехали быстрее, чем предписывалось правилами, и только когда дороги были плохими, мы снижали скорость. Мы изучали вопрос денег на выпивку, пока он не превратился в точную науку.

Около полудня первого дня пути из Иркутска мы взяли ямщика, который оказался крайне угрюмым. Местность была слегка холмистой, а дорога великолепной, но наши обещания на водку были тщетны. Мы предлагали и умоляли, но тщетно. В качестве последней меры мы крикнули по-французски дамам и предложили им ехать впереди. Наш ямщик потребовал у своего коллеги оставаться на месте и отказался свернуть, чтобы пропустить его. Он даже сбавил скорость и заставил лошадей идти шагом. Наш крепко сложенный слуга пересел к нам в сани и с помощью кулаков сумел внушить ямщику правила поведения. Далее мы двигались довольно неплохо и были рады, когда поездка закончилась.

Когда мы начали наше быстрое путешествие, я опасался, что сани развалятся на части, но вскоре убедился, что всё прекрасно. Это было захватывающее приключение, и оно значительно скрасило монотонность поездки. Мы были так защищены мехами, подушками, одеялами и сеном, что толчки и прыжки не причинили нам серьёзного вреда. Дамы наслаждались этим так же, как и мы, и нисколько не испытывали неудобств от обычной тряски. Однажды, в конце бешеной поездки со скоростью двадцать верст в час, я обнаружил, что мадам спит, и узнал, что она спала с момента отъезда с последней станции.

Я много ездил в американских дилижансах и совершал прекрасные поездки в Калифорнии. Но что касается скорости и стремительности, я всегда буду рекомендовать сибирских ямщиков.

Глава XXXIX. Через Канск в Красноярск

На второе утро мы остановились в Тулемске, чтобы поменять несколько коробок, которые мешали сидеть в санях. Слуги имеют обыкновение класть мелкие, а иногда и крупные предметы, в переднюю часть повозки. Для человека невысокого роста это не представляет собой проблемы, но в моем случае я не был согласен с такой практикой. Русские сани по форме напоминают утюг для белья, гораздо более узкий в передней части, чем в задней, поэтому путешественнику обычно не кажется, что пространство под возницей слишком велико для ног пассажира.

Мы согрелись за дымящимся самоваром с большим количеством горячего чая. Хозяйка дома принесла бутылку наливки с таким странным, но приятным вкусом, что я спросил, из каких фруктов она сделана. «Из апельсиновой цедры», – ответила она. Каждая сибирская домохозяйка считает своим долгом приготовить хороший запас наливок осенью. Стеклобанку объемом два-три галлона наполняют до горлышка любыми фруктами или ягодами, чаще всего используют смородину и крыжовник. Затем банку наполняют местной водкой и ставят на южное окно, где она находится под солнечными лучами и теплом комнаты в течение десяти дней. После этого жидкость сливают, смешивают с равным количеством воды, помещают в котел с фунтом сахара на каждый галлон и кипятят несколько минут. После охлаждения и процеживания жидкость разливают по бутылкам и отправляют в погреб. Многие сибиряки предпочитают наливку иностранным винам, и один бывший генерал-губернатор пытался сделать ее модной. Он отказался от импортного вина и заменил его наливками, но его примеру последовало не так много человек, как он хотел.

Наша остановка заняла три или четыре часа. После того, как мы тронулись, в моих санях обнаружили несчастного поросенка, и прежде чем мы смогли поймать и выпустить его, он был изрядно побит и потрясен. Как он туда попал, нам было непонятно, но я не думаю, что он когда-либо снова добровольно залезет в сани.

Мы встретили множество караванов саней, нагруженных товарами. Они были похожи на поезда, которые я описывал между Кяхтой и озером Байкал, по четыре или пять саней на каждого человека. Лошади, как правило, шли сами, и покорно следовали за своими жокаками. Пока мы остановились у подножия холма, чтобы сделать кое-какой ремонт, меня заинтересовало проявление конского интеллекта. Когда караван достигал вершины холма, каждая лошадь останавливалась, пока предыдущая не спускалась. Сдерживая сани, словно под контролем поводыев, она шла половину спуска, а затем, преодолев холм, пересекала лошину под ним рысью. Одна за другой лошади проходили таким образом без всякого руководства, точно так же, как если бы ими управлял возничий.

Я заметил, что лошади были весьма искусны в выборе лучших участков дороги. Я помню школьное сочинение, в первом предложении которого говорилось: «Лошадь – благородное животное», но я никогда не знал, пока не путешествовал по Сибири, насколько она заслуживает похвал.

Днем у нас не было особых проблем с этими караванами, так как они обычно уступали нам дорогу, услышав наши колокольчики. Если дорога была широкой, лошади обычно сами сворачивали в сторону; там, где она была узкой, они не хотели идти по снегу и не делали этого, пока их не заставляли возничие. Если последние медлили, наши ямщики сами сворачивали в сторону и мстили, хлестая кнутом некоторых ездовых лошадей и всех возничих, до которых могли дотянуться. Ночью у нас возникали большие трудности, так как лошади каравана хотели держаться проторенной дороги, а их возничие обычно спали. В темное время суток нас трясло от столкновений с бесчисленными санями. Только боковые опоры предотвращали разрушение наших саней. Поезда, идущие на восток, перевозили разнообразные грузы товаров для Сибири

и Китая. Поезда, идущие на запад, обычно были загружены чаем в ящиках, обтянутых коровьей кожей. Объём грузооборота по главной дороге через Сибирь очень велик.

Когда мы остановились на ужин, я извлек бутылку шампанского из своих саней. Это было лучшее шампанское марки «Клико», замерзшее до состояния ледяной глыбы. Оно полчаса простояло в теплом помещении, прежде чем оттаяло настолько, чтобы медленно капать в наши бокалы.

Как только мы закончили ужинать, нам объявили о прибытии поезда из пяти повозок. Мы поспешили надеть меха и с минимальной задержкой запрыгнули в сани. Не было опасений, что мы потеряем первую и вторую группу лошадей, но последнюю могли взять на почтовое отправление, так как у дам были «подорожник» только третьего класса. Ямщики так же, как и мы, стремились сбежать, ведь работа по доставке почты не приносит выплат «на водку». Почта между Иркутском и Красноярском курсирует дважды в неделю в каждом направлении, и мы часто её встречали. Там, где она только что проезжала станцию, иногда возникала нехватка лошадей, из-за чего мы задерживались, пока не приводили деревенские упряжки.

Каждый караван сопровождает кондуктор, отвечающий за безопасность и почты и каравана. Кондуктор – это солдат или другой государственный служащий, и он должен быть вооружен, чтобы отбиваться от грабителей. Одним из таких кондукторов был четырнадцатилетний мальчик, который, казалось, был очень ответственным. Я наблюдал, как он на станции заряжал пистолет, и меня позабавила его показная манера поведения. Когда операция была завершена, он закрепил оружие за поясом и, с важным видом, вышел с видом тяжеловесного и непобедимого бойца. Еще один кондуктор в своем странствии с пистолетами и ножами, выглядел как военный музей.

Кондуктор

От станции мы свернули с главной дороги и проехали несколько верст по замерзшей поверхности реки Бирюса. Снег лежал гребнями, и, быстро проезжая по ним, нас бросало, как ялик в бушующем море. Это было предвкушением того, что меня ждало в дальнейшем. Бирюса богата золотыми месторождениями, и раньше правительство содержало в ее долине обширные горнодобывающие предприятия.

Около девяти часов вечера мы решили выпить чаю. Войдя в столовую, я обнаружил, что пол покрыт спящей массой, источающей не слишком пряный запах. Я ударился головой о какую-то широкую полку, подвешенную на высоте восемнадцати или двадцати дюймов от потолка и удерживающую нескольких спящих.

«Вот, – сказал Павел – еще одна комната для сна». Он попытался отодвинуть занавеску над кирпичной печью. На мгновение обнажились женская голова и плечи, пока крепкая мужская рука не схватила и не удержала занавеску закрытой. Подвесные полки или фальшивые потолки довольно распространены в крестьянских домах, особенно на станциях. Ямщики и другие временные постояльцы размещаются здесь на полу, а кровати – это роскошь, которую они редко могут себе позволить. Нередко небольшой дом так же плотно забит людьми, как трюм пассажирского судна, и мне никогда не хотелось задерживаться в этих переполненных апартаментах. В русском доме практически отсутствует вентиляция, и влияние двадцати спящих на чистоту воздуха в комнате «лучше представить, чем описать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.